ИСТОРИЯ

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

Электронная почта: tzpoznyak@mail.ru

Пьянящее чувство свободы: общественно-политическая жизнь Владивостока весной 1917 г.

УДК 947.084.2(571.6)

doi: 10.24866/2542-1611/2017-3/4-17

*Русская революция
1917 г.,*

*общественно-
политическая жизнь,
партии,*

профсоюзы,

*Комитет
общественной
безопасности,*

*Совет рабочих и
военных депутатов,*

образ врага,

слухи,

Владивосток

В статье проанализированы настроение и поведение населения Владивостока, нижних чинов местного гарнизона и Сибирской флотилии в обстановке революционного года. Революционная эпоха наложила качественно новый отпечаток на общественную жизнь городского населения, но модели поведения остались прежними. Завоевания революции имели и негативные последствия: введение политических свобод и равноправия – вседозволенность и анархию, создание новых демократических органов власти – многовластие, общественная мобилизация и консолидация – переизбыток организаций и «девятый вал» делегатов в новых органах власти, свобода собраний и митингов – митинговщину и бесконечные дискуссии вместо решения проблем. Приметами революционного времени остались распространение слухов, поиск врагов, навешивание ярлыков на политических противников и погромные настроения.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №17-81-01009 «Повседневная жизнь населения г. Владивостока от Первой мировой до гражданской войны (1914-1922)»

В год столетнего юбилея Русской революции 1917 г. неудивителен новый всплеск исследовательского интереса к истории революционной эпохи. Каждое новое обращение к теме открывает всё новые страницы её истории. Общественно-политическая жизнь Дальнего Востока в революционный год уже была предметом исследований, в советское время главное внимание исследователей было сосредоточено на деятельности большевиков среди рабочих и солдат, становлении Советской власти, организации профсоюзов [3, 12]. В постсоветское время расширилась проблематика исследований, произошёл отход от узкоклассовых оценок революции, появились работы, посвященные меньшевикам и эсерам, городскому самоуправлению [11, 16]. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. подробно изложены В.Н. Зуевым, а деятельность большевиков на флоте и настроения в Сибирской флотилии – в предисловии к сборнику документов «Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922)» [4, 7]. Итоги многолетних исследований по истории Дальнего Востока в период революции и гражданской войны подведены в обобщающей монографии [9]. Однако при сосредоточенности на институциональных процессах исследователи вынуждены были обходить вниманием детали и частности, позволяющие проанализировать повседневные практики и модели поведения населения в условиях револю-

ционных потрясений. Целью статьи является анализ главных особенностей общественно-политической жизни революционного времени, настроений и поведения населения Владивостока, нижних чинов местного гарнизона и Сибирской флотилии между Февралем и Октябрем 1917 г.

В конце 1916 – начале 1917 г. на Дальнем Востоке не ожидали дальнейшего столь кардинального изменения политической ситуации в стране. Рождество и Новый 1917 год Владивосток отмечал как обычно: танцевальными вечерами и маскарадами во всех крупных залах города, обширной развлекательной программой синематографов, театров, ресторанов. В январе-феврале 1917 г. на страницах местных газет основными темами были положение на фронтах, деятельность Государственной Думы, пустые полки магазинов и складов, подорожание продуктов питания и забастовка извозчиков против новой таксы, введенной городским самоуправлением [5. 1, 2, 3, 4 янв.; 6. 1, 2, 3, 4 янв.]. Нарастание социальных проблем и упадок патриотических настроений в дальневосточных городах наблюдались уже с середины 1915 г. Это отразилось в более частом обращении региональной периодики к экономическим проблемам и критике правительства за его неспособность справиться с ними. Ухудшение жизни населения вызывало рост агрессивности и поиски врага, в качестве которого всё чаще всплывали образы министров-казнокрадов и торговцев-спекулянтов [1, с. 56–63; 14, с. 141–176].

В начале 1917 г. журналисты в качестве ведущего настроения местного общества отмечали апатию, уныние, политическое затишье. 1 января 1917 г. в газете «Дальний Восток» в передовице «Новый год» М. Лапин, подводя итоги года, писал, что с каждой сменой кабинета министров страна ожидала изменения политической атмосферы, но надежды не сбывались, всё в стране было «закрыто тяжелой завесой реакционного тумана, ежеминутно уплотняющего свою массу», в которой было «трудно дышать». В этом же номере опубликована пророческая статья А. Лифантьева «1917 год»: «... вот-вот грянет откуда-нибудь ещё новый страшнейший удар... Катится громадная лавина и почему-то хочется верить, что в новом 1917 году она упадет и от падения её великого, апокалипсического содрогнется до основания древний мир. Грянет новый мир и для встречи его можно только страстно желать людям мудрости и истинной человечности...» [6. 1 янв.].

Февральские уличные манифестации в Петрограде, начавшись со стихийного протеста населения на почве продовольственного кризиса и недовольства политикой царского правительства, быстро наполнились политическим содержанием, дополнились организованными действиями рабочих и других демократических сил, переходом армии на сторону восставших [2, с. 37; 15, с. 748–757].

Сведения о событиях в Петрограде поступали во Владивосток, однако по распоряжению губернатора военная цензура на них накладывала запрет, и потому первые известия и о революции, и об отречении императора население получило только вечером 3 марта [9, с. 87–89]. Военные власти Владивостока были уведомлены о событиях в стране к 10 часам утра 3 марта (РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 479. Л. 405). Местные газеты сообщения об этом опубликовали вечером 3 марта отдельными листовками. В этот же день городской голова Владивостока И. А. Ющенков отправил телеграмму приветствия

новому правительству, на экстренном заседании Владивостокская городская дума (далее ВГД) единогласно постановила организовать Комитет по охране порядка в городе (впоследствии называемый чаще Комитетом общественной безопасности – далее Комитет, КОБ) и просить все общественные организации, рабочих приступить к избранию представителей (1–2 чел.) в этот комитет. От ВГД в Комитет были избраны 10 чел. 4 марта в его ведение перешли городская полиция, правительственный и железнодорожный телеграфы, было избрано Исполнительное бюро [5, 4, 5, 6 марта].

По инициативе Правления Общества народных чтений 3 марта 1917 г. на митинге в Народном доме было решено образовать Совет рабочих депутатов (затем Совет рабочих и военных (солдатских) депутатов – далее Совет). Избранная для этой цели комиссия предложила коллективам предприятий и учреждений выдвигать в него своих делегатов. В отличие от КОБа, где доминировали представители городской думы и торгово-промышленных кругов, в Совете руководящую роль сразу завоевала коалиция социалистических партий. Опора Владивостокского Совета на трудовые коллективы крупных предприятий и местный гарнизон сделала его мощной политической силой, с которой не могли не считаться КОБ и другие общественные организации [9, с. 90].

В результате общественной мобилизации сложилась уникальная ситуация многовластия: сосуществование старых органов власти (гражданских и военных) и новых властных структур – КОБов, Советов, областных комиссаров Временного правительства с постепенным подчинением им части ведомств и региональной администрации; кроме них во Владивостоке действовала Городская дума и управа, претендовавшие на управление городом. В советской историографии для периода между Февралем и Октябрем широко использовался термин «двоевластие» [13, с. 145].

Первые дни «медового месяца» революции все первые полосы местных газет заполнили сообщения об арестах старого правительства, составе нового, воззваниях разных организаций и пр. Газета «Далекая окраина» 4 марта 1917 г. вышла с воззванием к гражданам, армии и флоту на первой полосе: «Свершилось величайшее событие в жизни Русского народа. Над обновленной Россией восходит солнце свободы, правды, добра и справедливости. Правительство, веками угнетавшее народ, отошло в вечность...», – и далее следовал призыв к защите Родины и соблюдению порядка [5, 4 марта]. 4 и 5 марта были опубликованы приказы по Владивостокскому гарнизону и.д. коменданта крепости Д.Д. Крылова от 4 марта № 1 и Командира Владивостокского военного порта П.В. Римского-Корсакова от 5 марта 1917 г. № 121 о манифестах императора и великого князя Михаила Александровича, а также призыв к рабочим от Бюро по организации Совета рабочих депутатов – сохранять спокойствие, воздерживаться от демонстраций и не поддаваться на провокации, и предложение всем мастерским «избрать по одному делегату от каждого 50 чел. и прислать их сегодня в 3 часа дня в Народный дом на собрание для выборов Совета» [5, 4, 5 марта].

Пьянящее чувство свободы и радостного волнения охватило местное общество. Судя по многочисленным обращениям от разных организаций и должностных лиц с призывом сохранять спокойствие,

«не омрачать этого светлого дня какими-либо необдуманными выступлениями», действиями, которые могут вызвать беспорядки, старые и новые власти находились в состоянии тревоги перед дальнейшим развитием революции, страха перед стихией толпы [5. 5 марта; 6. 6, 7 марта]. Приказом по Владивостокскому гарнизону коменданта Владивостокской крепости Д.Д. Крылова от 5 марта № 13 все офицеры и солдаты оповещались, что они могут избрать своих представителей в Совет рабочих и военных депутатов. Всем офицерам гарнизона было приказано лично прочесть нижним чинам во всех ротах и командах манифест об отречении Николая II и Михаила и разъяснить, что теперь они должны подчиняться Временному правительству, которое требует «полнейшего спокойствия и строжайшего от войск соблюдения дисциплины, что необходимо для поддержания в стране порядка и нормальной жизни, без каковой невозможна победа над главнейшим внешним врагом» [5. 5 марта; 6. 6 марта]. В городе ещё помнили опыт первой русской революции, когда массовый погром был вызван недостатком информации о Манифесте 19 октября 1905 г. и неверным его толкованием нижними чинами армии и флота.

Гражданские и военные власти во Владивостоке стремительно отрапортовали о том, что «присоединение к новой власти прошло без инцидентов» [5. 5 марта; 6. 6, 7 марта]. Вопрос – почему никто не протестовал против падения монархии, не защищал старый режим, почему региональные гражданские и военные власти быстро и безоговорочно перешли на сторону нового правительства – нуждается в дополнительном и всестороннем исследовании с привлечением источников личного характера. В.П. Булдаков считает, что «самое поразительное в революции, произошедшей в разгар войны, было то, что за императора, стоявшего во главе отнюдь не сломленной в военном отношении армии, не вступился никто» [15, с. 756]. На первый взгляд, главными причинами, наряду с усталостью всех слоев населения (включая представителей власти) от старого режима, его неспособности справиться с нарастающими экономическими и социальными проблемами, полной потерей режимом легитимности, была привычка населения повиноваться любой власти, исходящей из центра. Чтобы противостоять господствовавшему в стране настроению поддержки новой власти, нужно было иметь мужество, критическое восприятие происходящих событий. Последствия произошедшего пока не осознавались большинством населения, все были в эйфории и надеждах на лучшее, полны иллюзиями, что все проблемы со сменой власти разом испарятся.

Приветствия от всех и вся в адрес Временного правительства удивительным образом напоминают телеграммы императору по случаю важных исторических событий и производят впечатление традиционных ритуальных практик выражения верноподданнических чувств. В первые два-три дня после объявления Манифеста об отречении императора фактически все государственные учреждения в городе провели собрания и послали приветственные телеграммы в адрес Временного Правительства или Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, избрали представителей в местный Комитет по охране порядка в городе, вероятными мотивами могли быть как искренняя поддержка перемен, так и страх быть заподозренными в оппозиции. Тем более что, несмотря на поголовное признание нового

правительства, аресты в Хабаровске 5 марта 1917 г. Командующего войсками Приамурского военного округа А.Н. Нищенкова, Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти и правителя его канцелярии В.А. Закревского убеждали сторонников монархии, что вряд ли стоит открывать свои истинные мысли и чувства [5. 6 марта]. Столь повальное выражение поддержки вызвало иронические заметки в прессе, Ник.Панов в статье «Присоединяются» подметил эту примету времени: «все всецело присоединяются к новому правительству» – толкачи, взяточники и вымогатели, тюремщики, филеры и пр. [6. 10 марта].

В первые дни Февральской революции в прессе преобладали статьи, написанные в высокопарном стиле о состоянии «безмерной радости», охватившем общество, не столь часто упоминалось о страхе обывателей перед переменами, неверии в них, о настроениях тревоги и огорчения в связи с отречением императора, а также о появившихся призывах «бить буржуев», устройства «социальной республики» и пр. [6. 7, 8 марта]. К концу марта и в апреле всё чаще появляются публикации, авторы которых сомневались в искренности массового признания новой власти: «... многие из своей безопасности примкнули к новому правительству и подобострастно склоня голову, яко фарисеи, предлагают свою помощь и согласие пойти по стопам нового строя; но все эти услуги исходят из сердца, переполненного затаенной злобой к свершившемуся, при первом же удобном случае превратятся в услуги Иуды» [6. 17 марта].

Февральская революция была также встречена массовой политической активностью горожан, в общественную жизнь включились разные слои населения, до сих пор в ней не участвовавшие. Важнейшей приметой революционной эпохи стала мобилизация и самоорганизация общественных сил. Эти события освещены исследователями [9, с. 89–90; 16, с. 113]. Волна общественной мобилизации в провинции была, с одной стороны, порождена новой властью, с другой – слишком длительным существованием общества в условиях запретов. Провозглашенные Временным правительством равенство прав и свобода политической деятельности открыли плотину и выпустили наружу волну общественной мобилизации, загнать её обратно было невозможно. Новые власти по всей стране подхватили и развили этот процесс. Вышеуказанные призывы ВГД, Коменданта крепости, командующего Сибирской флотилией, Социалистического бюро избирать делегатов в КОБ и Совет неизбежно повлекли за собой массовый приток делегатов – каждое из обществ или учреждений посчитало своим долгом отправить одного-два, но иногда и по 5-6 представителей. Например, сразу же после заседания ВГД состоялось собрание Военно-промышленного комитета, и от него в Комитет по охране города были избраны А.А. Масленников и И.И. Циммерман, а заместителями их – Е.И. Тищенко и М.М. Золотарев, такие же собрания прошли в обществах торгово-промышленных служащих, врачей [5. 4 марта]. 5 марта собрание служащих Приморского областного правления заявило о солидарности с Временным правительством и избрало в КОБ трех делегатов. 7 марта собрание мещан города избрало в городской КОБ – 9 чел., корейцев Ново-Корейской слободки – 6 представителей [5. 9 марта; 6. 6, 9 марта], собрание штатных служащих Владивостокского военного порта – трёх делегатов и трёх

кандидатов в КОБ и Совет (РГА ВМФ. Ф. 1200. Оп. 5. Д. 96. Л. 54). Даже местное епархиальное и военное духовенство 7 марта единогласно постановило «приветствовать обновленный строй России, изменить текст в молитвах о правительстве, согласно указа Св. Синода, и послать телеграммы Родзянко, Львову и первоприсутствующему члену Св. Синода» и избрали депутатами в КОБ священников С. Данилова и Гр. Прозорова [6. 9 марта]. А уже в середине марта газеты были переполнены статьями на разные лады обсуждавших этот «девятый вал» делегатов. Весьма саркастический фельетон Ник. Панова «Делегаты» опубликовала газета «Дальний Восток». Автор, используя гиперболы, описывает очередное заседание КОБа: «Когда председатель устает считать все прибывающих делегатов, к середине заседания в дверях появляется странный господин. Седой, как лунь, старый, как вечность, и сухой, как скелет, он еле передвигается на дрожащих ногах. Председатель в ужасе: Кладбище присоединилось! Покойники делегата выбрали. Волосы на голове председателя поднимаются дыбом» [6. 16 марта].

Список организаций, делегировавших своих представителей в КОБ, можно продолжать бесконечно, неудивительно, что через несколько дней в его составе было уже 200 чел. [9, с.90]. Почти сразу посыпалась критика, что комитет «слишком громоздок», что он должен немедленно удалить из своего состава представителей старой власти, коим население выражает недоверие, что он недостаточно информирует население о своих решениях [6. 7 марта]. Другой претензией было, что выборы произведены неправильно, в комитете неправомочно представлены в большом количестве гласные городской думы. КОБ соглашался с этой критикой, но настаивал, что это было временной мерой в условиях смены власти в стране, чтобы не скатиться в хаос – «пусть будет пока хоть какая-то власть, чем не будет никакой» [5. 9 марта]. Это же самое можно сказать и о Совете, многочасовые митинги которого проходили в Народном доме ежедневно, на них постоянно раздавались призывы к рабочим, солдатам и матросам избирать делегатов, и почти ежедневно являлись новые делегаты от воинских частей, комитетов и профсоюзов.

И если бы дело ограничилось только организациями, претендующими на власть – разные слои населения стали объединяться на самой разнообразной основе: профессиональной, этнической, идейной, экономической и пр. Бесконечные собрания, посвященные организации, а затем деятельности профессиональных союзов, обществ и политических партий, заполняли, казалось, всё свободное время жителей и все вместительные залы. Конечно, далеко не всё население города было вовлечено в политический процесс, многие жили обычной жизнью и были далеки от политики, занятые повседневными заботами о пропитании, но в процессе чтения местных газет первого месяца революции создается стойкое ощущение, что все думали только о политике.

В 1917 г. во Владивостоке начали легальную деятельность отделения почти всех политических партий: социал-демократов (меньшевиков и большевиков), социалистов-революционеров, кадетов, народных социалистов, анархистов и пр. [9, с. 93–96; 11, с. 28–37]. Их ряды росли стремительными темпами, и это неудивительно при использовании своеобразных механизмов пополнения – после партийных

митингов и собраний в партии часто записывали всех желающих, были случаи и массового вступления. К примеру, во Владивостокской организации ПСР к 25 апреля 1917 г. состояло 1200 членов, а в Приморской областной – 6 тыс. [11, с. 35]. На первом собрании социал-демократов во Владивостоке 10 марта 1917 г. присутствовало 20 чел., в конце же апреля численность Владивостокского отдела объединенной РСДРП составила уже около 500 чел., к началу июля – около 1 тыс. [3, с. 40, 51; 8. 12 марта, 12 апр.; 9, с. 106].

Во всех трудовых коллективах, учреждениях, конторах создавались профессиональные союзы, рабочие или фабрично-заводские комитеты, в воинских частях, командах и ротах Сибирской флотилии – комитеты. Во Владивостоке к концу апреля существовало более 30 профсоюзов [9, с. 96; 12, с. 13–19]. В конце апреля 1917 г. во Владивостоке на первой городской конференции представителей профсоюзов и фабзавкомов было избрано Центральное бюро профессиональных организаций (далее – ЦБ профсоюзов), его возглавил большевик С.Я. Гросман, с мая – большевик Г.Ф. Раев [12, с. 36–37]. Со стороны большевиков подчинение своему влиянию ЦБ было очень грамотным и дальновидным тактическим и стратегическим ходом: в силу малочисленности большевиков в городе и невозможности контролировать деятельность и решения каждого из профсоюзов, в течение 1917 г. большевики постоянно выступали за объединение мелких организаций в крупные, а их в свою очередь объединяли под эгидой ЦБ профсоюзов. Это давало возможность корректировать программные установки и деятельность отдельных союзов, возможно, даже навязывать им нужные решения.

Самоорганизация стала навязчивой идеей, поразила все слои общества, все профессиональные группы, её мотивы были многоплановы: кто-то был движим идеей, что новый строй так и создаётся – за счёт широкой общественной инициативы и самодеятельности, горел желанием «принять участие в общей работе обновленной России», кто-то только прикрывался этими лозунгами, маскируя ненависть к переменам, но понимая, что невозможно остаться в стороне от общего тренда, кто-то просто действовал по принципу «делай как все», кто-то пытался использовать революционный момент в корыстных интересах – возглавить инициативу и занять высокий пост.

Столь повальная тяга к самоорганизации и бесконечные собрания часто выглядели как самоцель и не всегда выливались в плодотворную работу на благо общества. Обширный состав КОБа и Совета, огромное число обществ и партий неизбежно повлёк негативные последствия, ставшие приметой революционного времени, – митинговщина и многословие. Собрания союзов, да и органов власти часто превращались в простую говорильню, бурные дискуссии, где каждый оратор занимался самовыражением и слабо прислушивался к аргументам других. Автор статьи «Слова, слова!...» в газете «Дальний Восток», посещавший эту бесконечную череду собраний и митингов, отметил это «печальное явление» времени – «отчаянную тягу к словоизвержению» [6. 10 марта], в статье «Слишком много делегатов» Петра Артамонова подчеркивалось, что разговоры и выступления отнимают у Исполнительного бюро Владивостокского КОБа «лишь время, так нужное для выполнения всякого рода распоряжений по

исполнению планов, начертанных для охраны необходимого порядка и прочих мероприятия...» [6. 15 марта].

Казалось бы, когда закончился «медовый месяц русской революции», должна была сойти на нет и бесконечная череда митинговой активности, но этого не случилось: «эпоха митингов и собраний» продолжалась весь 1917 и 1918 годы, все перипетии борьбы за власть, важные политические события вызывали очередной всплеск митинговой активности – разгон июльской демонстрации, организованной большевиками в Петрограде, и последовавшие репрессии, Корниловское выступление, Октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания были по-разному восприняты разными партиями и слоями населения и вызвали очередной всплеск митингов и собраний [3, с. 61–62; 6. 9 авг.; 8. 1917. 9 июля; 23 июля; 9, с. 106–107, 129–130, 145]. Стремительное изменение политической ситуации в стране, изменение баланса партийных сил, жёсткое идеологическое размежевание требовало от человека эпохи непрерывного самоопределения по текущим политическим моментам.

Другой приметой общественной жизни революционной эпохи стали массовые уличные мероприятия. 12 марта во Владивостоке в ознаменование Праздника революции прошёл общегородской парад войск и манифестация: после сбора на площади у городского собора и памятника Г.И. Невельскому, войска, учащиеся, колонны учреждений, обществ и союзов и вслед за ними профсоюзов рабочих и служащих, присоединившихся к Советам, прошли по Светланской улице до пересечения её с Китайской под военные марши, сменявшиеся Марсельезой, «гимном рабочих», которые звучали в продолжение всей процессии [5. 11, 12, 14 марта]. По мнению современников, парад и манифестация 12 марта 1917 г. продемонстрировала «единение всех слоев, всех сословий», но это и другие подобные мероприятия были не только символическим выражением политического единения, поддержки революции и падения старого режима, но и своеобразным развлечением, спектаклем для городского обывателя, ставшего его повседневным времяпровождением. Радостное настроение эйфории и надежд, желание узнать новости и поделиться ими выгнало людей на улицы, окунуться в гущу событий. На митингах горожане не только слушали выступления ораторов, пытались вникнуть в провозглашаемые ими лозунги и идеи, но и самовыражались через аплодисменты, крики протеста, свистки. Однако при всей новизне поводов для революционных манифестаций они напоминали парады и крестные ходы при старом режиме: так же начинались от городского собора и проходили по главной улице – Светланской, с трибун их приветствовали администрация области и руководство крепости и флотилии, ведомств и учреждений. Теперь на трибуне стояли представители КОБа и Совета, руководство крепости и флотилии, учреждений и консулы иностранных держав. В обновленной России воспроизводились традиционные модели поведения. Во всех городских православных церквях, а также молельных домах армянской и еврейской общин прошли панихиды в память погибших за свободу, только социалистические партии в Народном доме провели для своих сторонников гражданскую панихиду, а после окончания манифестации устроили митинг на могиле Людмилы Волкенштейн на Покровском кладбище [6. 14 марта].

Массовые скопление народа на улицах и площадях (и не только на организованных мероприятиях) также стало своеобразной приметой революционного времени – такими местами в городе стал перекресток улиц Светланской и Алеутской, привокзальная площадь, улицы перед иллюзионами, цирком и пр. Сибирский торговый банк 11 октября 1917 г., опасаясь погромов, был вынужден обратиться в городскую управу и милицию с просьбой поставить около банка на углу Светланской и Алеутской улиц наряд милиционеров для недопущения толпы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 753. Л. 73–73 об.).

Даже большевики и исполком Владивостокского Совета, пытавшиеся контролировать солдатские и рабочие массы и часто использовавшие энергию толпы в своих целях, были озабочены попытками анархистов и криминальных элементов возбудить толпу на погромы торговых заведений и воспользоваться этим с целью обогащения или для захвата власти в городе.

Весьма показательный изданный в начале мая 1917 г. Владивостокским Советом приказ № 15: «До сведения Военной Комиссии С.Р.И В.Д. дошло, что многие темные личности-провокаторы за последнее время умышленно с злонамеренной целью переодеваются в солдатскую форму, и пользуясь многочисленным скоплением товарищей солдат и матросов, в разных общественных местах стараются совращать их в другую сторону, подбивать их на разные нежелательные выступления, как например, становиться самовольно на частные работы, отбивая единственный заработок у своих товарищей рабочих или сталкивать китайцев. ... К сожалению, для гнусных провокаторов создается в настоящее время весьма благоприятная обстановка в отношении гарнизона крепости. Действительно, Владивосток каждый вечер собой представляет необычайное скопление товарищей солдат и матросов на вокзале, у входа на вокзал и прилегающей к нему площади, у иллюзионов и т.д. Произведенная Военной Комиссией 14 апреля проверка на вокзале выяснила, что очень многие товарищи солдаты и матросы толкаются без всякого дела, не имея при себе никакой записки, между тем они остаются спать до утра на полу вокзала большими массами. Хотя гражданские свободы и дают возможность товарищам солдатам и матросам вне службы распоряжаться свободным временем по своему усмотрению, тем не менее им следует принять в соображение важность настоящего времени, когда товарищи солдаты и матросы должны быть готовы по первому зову исполнительного комитета Совета Рабочих и В. Д. стать с оружием в руках на защиту завоеванной свободы. Но возможно ли им быть на страже своих свобод, когда они вне службы почти все разбегаются из своих рот и команд. Принимая во внимание всю опасность подобного положения вещей, а также желая иметь возможность точного выяснения темных личностей, одевающих в солдатскую форму, и ведущих между ними всякую зловредную пропаганду Исполнительный комитет С.Р.И В.Д. предлагает на будущее время установить нижеследующий порядок: 1) Увольняемым в город товарищам солдатам и матросам обязательно выдавать увольнительные записки за подписью ротного командира или же ротного комитета с приложением ротной печати. 2) Полковым, ротным и командным комитетам принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению настоящего приказа среди товарищей солдат» (РГА ВМФ. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 657.

Л. 203–204). Кроме того, в середине мая ЦК СФ обратился к матросам с призывом соблюдать точно форму, а то в городе появились переодетые в солдатскую и матросскую форму личности, возбуждающие беспорядки и погромы [6. 20 мая].

Бесцельное шатание по улицам матросов не было приметой только революционного времени, схожий приказ Командующий Сибирской Флотилией издавал 11 февраля 1916 г. под № 42 п. 2.: «...увольнение нижних чинов должно совершаться только вне часов занятий и лишь в случаях действительной надобности, а отнюдь не для прогулок и бесцельного шатания по городу и его окрестностям. Увольнение в часы занятий могут быть допущены только в виде исключения и только в случае крайней необходимости и при наличии уважительных обстоятельств...» (РГА ВМФ. Ф. 1200. Оп. 3. Д. 656. Л. 11–11 об.). В революционную эпоху скопление народа стало более массовым, и в условиях свободы агитации появилась только более свободная и широкая возможность использования стихии толпы для погромов.

Массовое нарушение дисциплины и уклонение от обязанностей наиболее наглядно отразились в армии и флоте, порождены же они были новой властью. Первый толчок был дан Приказом № 1 от 1 марта 1917 г. Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по гарнизону Петроградского округа о немедленном избрании во всех ротах, батальонах службах разного рода военных управлений и на судах военного флота комитетов из выборных представителей от нижних чинов [10, с. 147–151]. Приказ № 1 подрывал саму основу воинской дисциплины и субординации, лишал офицеров реальной власти во вверенных им частях, отдавая её комитетам частей. «Единоначалие как краеугольный камень воинской дисциплины было подменено коллегиальностью в решениях по боевой, административной и хозяйственной жизни войск. Наравне с «чехардой» высшего и старшего командного состава это приводило к хаосу и в конечном счете гибели армии как организма» [7, с. 38].

Этот приказ, хотя он касался Петроградского гарнизона, был воспринят нижними чинами армии и флота в разных частях страны фактически как руководство к действию, причем не только как свободу организовать выборные органы, заявлять о своих правах и нуждах, представлять свои интересы в Советах и КОБах, но и как полную свободу действий, включая отстранение офицеров с должностей и замену их выборными командирами, неподчинение приказам и пр. Благое намерение дать свободу и демократизировать армию при непонимании ментальности солдат и матросов, рабочих и крестьян обернулись непредсказуемыми результатами и вызвали новые приказы, разъяснявшие круг действия предыдущих. Приказом исполкома Петроградского Совета от 5 марта № 2 было пояснено, что в приказе № 1 было предложено избирать комитеты каждой части, но эти комитеты не вправе избирать офицеров, а должны избирать делегатов в Советы, чтобы солдаты и матросы были организованы и могли через своих представителей участвовать в общественной жизни страны [6. 9 марта].

Первые сообщения во Владивостокских газетах о переменах в армии и флоте, о собраниях солдат и офицеров во Владивостоке рисуют идиллическую картину единения [6. 9 марта]. Представители общест-

новление армии, наивно верили, что солдаты и матросы под действием приказов о предоставлении им равных прав и свободы общественной и политической деятельности превратятся в сознательных граждан обновленной России: «Солдат русский стал русским полноправным гражданином. Кончилось проклятое отъединение армии от её народа, бытие её как особой опричнины деспотизма. Солдат отныне служит только родине, он прежде всего разумный гражданин, понимающий и болеющий её болями, а не бездушная машина в руках себялюбцев и авантюристов». По мнению автора статьи «Народная армия», «в народной армии царит железная дисциплина, сознательное понимание долга», она становится семьёй, братством [6. 17 марта].

Однако реальность была далека от этих представлений. Приказ № 1 негативно отразился на местном гарнизоне и Сибирской флотилии: чехарда высшего и старшего командного состава, массовый отрыв солдат и матросов от своих непосредственных обязанностей, массовые увольнения в отпуск на полевые работы, создание комитетов и погружение армии и флота в митинговщину, несоблюдение субординации и неисполнение приказов. Уже в апреле-мае среди матросов Сибирской флотилии распространилось падение дисциплины, игра в карты, пьянство и драки на улицах, контрабанда спиртных напитков, хулиганство и хамское поведение в общественных местах, кражи и «промот» казённых вещей, самовольные отлучки (РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 128. Л. 50об., Ф. 1200. Оп. 3. Д. 657. Л. 106–108; Оп. 4. Д. 56. Л. 45–69, 90–91 об., 93–94, 103, 118–120, 135, Л. 147–147 об., 156–165, 223–227, 276–289; оп. 5. Д. 96. Л. 67, 71–72) [7, с. 38–46].

Были ли это нежелательные проявления свободы или ложно понятая солдатами, матросами и городским обывателем свобода, превратившаяся в анархию? Возможно, но также вероятно, что это была обычная модель поведения человека со слабым внутренним контролем, привыкшим к контролю со стороны общины или власти, в условиях же слабости власти и уменьшения социального контроля нарушения дисциплины приняли массовый характер. В пользу этого предположения говорит то, что все указанные выше нарушения наблюдались в Сибирской флотилии и в XIX, и в начале XX в. (РГА ВМФ. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 7. 483 л.; Д. 53. 215 л.; Оп. 3. Д. 656. 814 л.; Оп. 14. Д. 32. 26 л.). Отдельные солдаты и матросы, городские обыватели, а там паче криминальные элементы, несмотря на идиллические восторги общества и упования на нового гражданина свободной России – сознательного, с чувством долга, заботившегося о благе обновленной родины, не желали меняться по взмаху волшебной палочки.

Кроме падения дисциплины и анархии, другой проблемой общественной жизни революционной эпохи стало массовое распространение слухов. Это явление наблюдалось постоянно в Российской империи, обостряясь в военные годы. Свершилась революция, а журналисты местной прессы по-прежнему сетовали, что в обновленной России, как и при старом режиме, любое мало-мальски важное событие обрастало невероятными подробностями, стремительно распространявшимися обывателями в толпе: «По городу ходят слухи и слухи. То арестовали кого-то из высшего местного военного командования, то у кого-то из них во дворе стоят пулеметы и т.д. и т.п. Слухи самые разнообразные, но у них одно общее: яркая провокаци-

онная окраска, ибо все эти слухи на проверку – самая беспардонная ложь...». Авторы призывали во избежание слухов шире оповещать население и войска в городе о происходящих событиях, ибо только так можно было предотвратить эксцессы из-за отсутствия информации [6. 7, 8 марта].

Автор статьи «Темная работа» видел в распространении тревожных слухов не только «фантазии скучающего обывателя», а «заранее обдуманый замысел»; «отравляющие слухи создают тревожную атмосферу», мешают работать. В качестве примера он привел появление в городе «подложного списка агентов охраны, переходящего из рук в руки». «Здесь кто-то намеренно действует, возможно, те же агенты охраны пытаются замаскироваться чужими фамилиями». Подобные слухи сеяли страх среди обывателей, создавали подходящую атмосферу для провокаций и весьма негативно характеризовали местного обывателя и общество: «Темные силы делают свое темное дело. Сколько бы мы не говорили о нашей гражданской зрелости, все же чудовищные слухи, которые с такой быстротой не перестают распространяться, – сильные обвинительные улики против нас» [6. 16 марта]. Эта статья ярко иллюстрирует состояние местного общества, атмосферу всеобщего недоверия, привычки видеть во всем происки врагов – «тёмных сил».

Широкое распространение истерических и часто совершенно необоснованных и нелепых слухов можно объяснить традиционным сознанием большей части населения России, слабым развитием массовой печати и слабым охватом ею населения, усугубленным к тому же неграмотностью, склонностью к созданию мифов и собственной далекой от реальности интерпретации услышанных новостей. Распространение новостей из рук в руки не могло не приводить к их искажению, подчас и сами журналисты местных газет вносили сумятицу в умы горожан, публикуя непроверенные сведения, которые на следующий или через несколько дней приходилось опровергать или уточнять.

Во Владивостоке с его проблемой затоваривания порта и невозможности вывезти военные грузы и ограничений для перевозки частных грузов, кроме общероссийских «врагов», были свои: толкачи, торговцы вагонами, шпионы, поджигатели. Первые революционные дни в условиях отмены цензуры множество материалов на страницах местных газет посвящено правительству, министрам, придворной камарилье, императору и императрице, Распутину, т. е. всем тем, кто довел страну до полного развала. Но уже в середине марта 1917 г. в качестве врагов «новой России» выступали замаскированные сторонники старого режима, служащие полиции и охранного отделения, негласные осведомители и тайные агенты охраны [6. 15 марта]. После Корниловского выступления тема контрреволюции постоянно всплывала на страницах прессы и в речах на митингах, а образ врага революции – контрреволюционера – активно использовался в межпартийной борьбе (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 68–71, 104–104 об.) [8. 1918. 9, 12, 13, 14, 16, 17, 20, 21 янв.].

Ещё одним свидетельством того, что, несмотря на изменение политического режима, введение демократических свобод, модели поведения людей остались прежними, являются методы управления КОБов и Советов, которые не останавливались перед запретом на

свободное выражение оппозиционного мнения и преследованием инакомыслия. На заседании КОБа 14 марта заместитель председателя Луценко оповестил собрание, не называя имен, о телеграмме, посланной «одним лицом» в адрес Временного правительства об аресте «другого лица». КОБом телеграмма не была пропущена, так как постановление бюро в ней было названо незаконным и вообще критиковалась его деятельность. Неназванное лицо было вызвано в бюро и ему был сделан строгий выговор. Автор заметки в газете «Дальний Восток» был «возмущен до глубины души» подобными действиями исполнительного бюро и назвал их «насилием, произволом и цензурой»: «И если Исполнительное бюро пойдет по тому пути, на который оно уже встало, то оно очень быстро дойдет «до кутузки», «предупреждений», арестов без замены штрафом и тому подобных прелестей старого режима» [б. 16 марта]. Подобные действия – когда цель оправдывает средства и репрессии обосновываются революционной необходимостью или борьбой с большевиками – в городе и в стране в годы гражданской войны приобрели поистине чудовищный масштаб, пока же аресты не имели большого размаха, но производились без всякого решения суда, а лишь по постановлениям исполнительного бюро КОБа и исполкома Совета [б. 15, 16 марта].

Революция изменила общественную жизнь Владивостока, она не только дала обществу свободу печати, митингов и собраний, объединения, но и наполнила новым содержанием общественную активность «граждан обновленной России». Процессы общественной мобилизации и консолидации затронули разные слои населения, однако модели поведения остались прежними: те же собрания, протоколы, избрание исполнительных бюро, комиссий и секций, многочасовые дискуссии и выступления ораторов, когда каждый желал высказаться, но слабо прислушивался к другим. Идеологическое размежевание требовало от человека эпохи непрерывного самоопределения по тем или иным текущим политическим моментам: свержению монархии, июльским демонстрациям в Петрограде, Корниловскому мятежу, Октябрьскому перевороту, разгону Учредительного собрания и пр. Формирование образа врага, постоянное муссирование угрозы со стороны политических противников, взаимные обвинения в контрреволюции постепенно стали обычной практикой для представителей всех партий в городе. В озлобленном и фрустрированном обществе мобилизация значительных масс населения была, видимо, возможна только на основе нагнетания ситуации угрозы и формирования образа врага.

Свобода политической и общественной деятельности не привела к изменению поведения и населения, и власти: представители новой власти использовали авторитарный стиль управления, подавление инакомыслия, свободные граждане выражали поддержку и преданность теперь не императору, а Временному правительству, а затем Советам, бюрократизм и многословное обсуждение проблем вместо их решения были характерны и для властных структур, и общественных организаций. Как и при старом режиме, одной из примет революционного времени было распространение слухов, поиск врагов и погромные настроения. Бесконечные призывы со страниц газет работать на благо родины и революции не случайны, их авторы чувство-

вали, что бесконечный поток собраний и митингов не выливается в реальные результаты, не улучшает хоть сколько-нибудь жизнь людей.

Литература

1. Агапов В.Л. Социально-экономический кризис в Российской империи во время Первой мировой войны глазами дальневосточной прессы в 1914–1917 гг. // Известия Восточного института. 2017. № 1 (33). С. 52–66.
2. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. Дис. канд. ист. наук. – М., 2002. – 231 с.
3. Беликова Л.И. Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП (б) в 1917–1922 гг.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1967. – 287 с.
4. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922). Документы и материалы / Отв. ред. С.С. Хесин. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 459 с.
5. Далекая окраина (Владивосток), 1917.
6. Дальний Восток (Владивосток), 1917.
7. Зуев В.Н. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Сб. науч. ст. / Отв. ред. Б.И. Мухачев. – Владивосток: Ин-т истории ДВО РАН, 1998. С. 33–47.
8. Известия Советов рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока (Владивосток), 1917, 1918.
9. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны / Отв. ред. Б.И. Мухачев – Владивосток: Дальнаука, 2003. – 632 с.
10. Костяев Е.В. Российские социал-демократы и приказ № 1 Петроградского Совета от 1 марта 1917 г. // Власть. 2014. № 4. С. 147–151.
11. Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917–1922 гг. – Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т. : Дальневост. гос. ун-т путей сообщ., 2005. – 222 с.
12. Куцый Г.С. Борьба профсоюзов за установление власти Советов в Приморье (март – ноябрь 1917 г.). – Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1963. – 148 с.
13. Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 31. Март-апрель 1917. Изд. 5-е. – М: Госполитиздат, 1981. – 671 с. С. 145–148.
14. Позняк Т.З. Динамика общественных настроений в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Монография / под ред. д-ра ист. наук, профессора Л.И. Галлямовой. – Владивосток: ДВО РАН, 2015. – 292 с. С. 141–176.
15. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. – М.: РОССПЭН, 2014. – 982 с.
16. Тригуб Г.Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения её органов с государственной властью (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2004. – 248 с.